

УДК 82-2

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-42-51

«ИГРА С ЧИТАТЕЛЕМ» КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ А. С. ПУШКИНА (К ПРОБЛЕМЕ «ПУШКИН И РОКОКО»)

Алпатова Т. А.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать специфику организации творческого диалога с читателем в структуре незавершённой прозы А. С. Пушкина в аспекте генетических связей с традициями романа рококо, установить структурные единицы пушкинского текста, связанные с рокайльным романом, особенности выражения взгляда автора на литературу как живую развивающуюся систему, требующую особой эрудиции и отзывчивости от читателя.

Процедура и методы. Предлагаемый в работе анализ базируется на принципах историко-генетического и сравнительно-типологического рассмотрения литературного произведения. Характеристика основных элементов текста, сопоставимых с романом рококо как литературно-полемическим и метатекстуальным феноменом, проводится с использованием элементов структурно-семиотического метода, а также элементов семиотики культуры.

Результаты. Предпринятый анализ позволил выявить литературные мотивы в незавершённых произведениях Пушкина – «Арап Петра Великого», «Роман в письмах», «Рославлев», а также рассмотреть значение для оформления историко-литературной концепции Пушкина, выявить особенности её содержательных и формальных аспектов, установить генетические источники подобной «игры с читателем», связанные с рокайльными традициями Западной Европы, а также творчеством Н. М. Карамзина, прежде всего с его книгой «Письма русского путешественника».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть основой для рассмотрения историко-литературной концепции Пушкина в целом, а также изучения концепта литературной игры, мотива героя-читателя в литературном произведении, глубинных процессов трансформации, происходящих в романе рубежа XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, историко-литературная концепция, рококо, «Роман в письмах», «Рославлев»

GAME WITH THE READER AS A MEANS OF IMPLEMENTING THE HISTORICAL AND LITERARY CONCEPT OF A. S. PUSHKIN (ON THE PROBLEM “PUSHKIN AND ROCOCO”)

T. Alpatova*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the specifics of organizing a creative dialogue with the reader in the structure of A. S. Pushkin's unfinished prose in the aspect of genetic connections with the traditions of the rococo novel, to establish structural units of Pushkin's text associated with the rocaille novel, to reveal the features of expressing the author's view of literature as a living, developing system that requires special erudition and responsiveness from the reader.

© CC BY Алпатова Т. А., 2024.

Methodology. The analysis proposed in the article is based on the principles of historical-genetic and comparative-typological analysis of a literary work. Characterization of the main elements of the text, comparable to the Rococo novel as a literary, polemical and metatextual phenomenon, is carried out using elements of the structural-semiotic method, as well as elements of cultural semiotics.

Results. The analysis undertaken made it possible to identify literary motifs in Pushkin's unfinished works – “Arap of Peter the Great”, “Novel in Letters”, “Roslavlev”, as well as to consider the significance for the design of Pushkin's historical and literary concept, to identify the features of its substantive and formal aspects, to establish genetic sources of the similar “games with the reader” associated with the rocaille traditions of Western Europe, as well as the work of N. M. Karamzin, primarily with his book “Letters of a Russian Traveller”.

Research implications. The results of the study can be the basis for considering the historical and literary concept of Pushkin as a whole, as well as studying the concept of literary play, the motive of the hero-reader in a literary work, as well as the deep processes of transformation occurring in the novel at the turn of the 18th – 19th centuries.

Keywords: A. S. Pushkin, historical and literary concept, rococo, “Novel in Letters”, “Roslavlev”

Введение

Реконструкция историко- и теоретико-литературной концепции А. С. Пушкина в последние десятилетия всё чаще занимает внимание исследователей [10, с. 76–87]. Можно без преувеличения утверждать, что одним из направлений эволюции пушкинского творчества была как раз выработка этой концепции, т. е. всё более чёткое осознание основных тенденций развития европейской литературы XVIII – начала XIX вв. При этом для Пушкина уже со второй половины 1820-х гг., и особенно в 1830-е гг. имело значение не только творческое усвоение западноевропейского художественного опыта, но именно возможность понимать закономерности литературного развития – и отдельных писателей, и жанров, представлять взаимосвязи движения литературы и истории (что было предвестием оформления культурно-исторической школы в филологии), – т. е., собственно, построение историко-литературной концепции, в значительной степени обуславливающей в этот период и собственно творческий диалог с той или иной западноевропейской литературной традицией. На рубеже нормативно-традиционалистской и индивидуально-творческой эпох художественного сознания способность писателя мыслить в историко-литературном духе позволяла транс-

формировать принцип «подражания и соревнования», превращая взаимодействие с «традицией» в подлинный диалог, возможности которого оказывались значительно разнообразнее, нежели «опора» на опыт прославленных авторов.

Цель данной работы – рассмотреть специфику игры с читателем и металитературных отсылок в незавершённой прозе А. С. Пушкина 1830-х гг. как отражение его историко-литературной концепции; выявить предметы его художественных симпатий и антипатий в наследии западноевропейской и русской прозы, концептуализировать саму проблему насыщенности пушкинской прозы экспериментальным художественным материалом, способствовавшим выстраиванию в повествовании дополнительных «литературных» сюжетов.

Преимущественное внимание к роману рококо при этом также не случайно. В сложной картине развития повествовательной прозы XVIII столетия именно роман рококо оказался наиболее подвижной и динамично развивающейся жанровой формой, что потенциально позволило ему превращаться в своеобразную реплику литературного диалога, отражать изменчивость эстетических вкусов эпохи, не присоединяясь ни к одной из сложившихся «готовых» форм. Роман в эпоху

рококо характеризовался обращением к тому типу героев, которые представляли образованное общество, и потому характеризовались не только свободой нравов и умением ориентироваться в «большом свете», но и начитанностью, умением вести тонкую, ироничную речевую игру, насыщенную литературными отсылками самого разного рода. Эти качества имплицитно подразумевались и в «идеальном» читателе подобных романов, что также способствовало развитию и усложнению жанровой формы [2, с. 68–82; 3, с. 66–77; 4; с. 64–75].

Впоследствии, в 30 гг. XIX в., традиции романа рококо сохраняются в трансформированном виде, прежде всего в структуре так называемой «светской повести», главные отличительные признаки которых – специфическое место действия, изобилие «интерьерных» топосов, круг тем и мотивов, связанных с изображением «высшего света» и конфликтов, в нём происходящих, – представляются глубоко родственными роману рококо. Подобно рокайльным персонажам, герои «светских повестей» обладают способностью к рефлексии, их ироничные суждения, насыщенные ассоциациями с актуальными событиями современной, в том числе литературной, жизни, обеспечивают особую ориентацию текстов на восприятие кругом «своего» читателя, своеобразный эффект понятности «для немногих», актуальность которого очевидна и в эпоху рококо. Реализуя творческий диалог с разнообразными литературными традициями, проза Пушкина таким образом вступала во взаимодействие с указанными генетическими источниками. Возможно, по этой причине творческий диалог с металитературной линией романа рококо в пушкинской прозе способствовал воссозданию историко-литературной концепции «внутри» собственно событийного и психологического сюжета, что было актуально для становления прозы поэта.

«Металитературный» сюжет незавершённой прозы Пушкина: вопросы генезиса и структуры

Оговоримся сразу: наличие металитературного сюжета не является специфической чертой лишь незавершённой прозы Пушкина. И роман в стихах «Евгений Онегин», и «Повести Белкина», и «Капитанская дочка», и другие пушкинские произведения также насыщены подобными мотивами, что с полным правом позволяет исследователям говорить об особой «нарратологии Пушкина» [11, с. 300–317; 6; 7; 8; 9], эксплицированной в его художественных произведениях и оформляющейся благодаря системе художественных приёмов, выводящих на поверхность не только «изображаемое», но и само «рассказывание», специфическую форму представления «истории», в условной «норме» повествовательной структуры скрытую от внимания читателя.

Генезис этого явления в прозе Пушкина (как и в романе в стихах «Евгений Онегин») был связан, по-видимому, с художественным опытом повествования в «Письмах русского путешественника» и повестях Н. М. Карамзина, если рассматривать их не в аспекте сентиментальной чувствительности, но именно как особый тип динамичного, «становящегося» повествования, сам процесс оформления которого выведен в поле внимания читателя и превращён в некий металитературный дополнительный «сюжет». Эта стернианская по своей природе сфера карамзинского повествования дала особые возможности его прозе: сохраняя сюжетную занимательность и изобразительное мастерство, она становилась специфической формой описания самого процесса творчества (а иной раз и процесса движения литературы), не просто развивалась по собственным законам, но параллельно формировала эти законы и их манифестировала. Так историко- и теоретико-литературные концепции Карамзина, не будучи развёрнутыми в последовательном дискурсе металитературного описания (скажем, в форме трактата, столь популяр-

ного в эпоху нормативного традиционализма), всё же воплощались в его прозе в виде живого, динамичного, не застывшего, способного к развитию «размышления» о самых разнообразных сферах развития литературы: о творчестве отдельных писателей, о жанрах, литературных традициях, способах построения повествования, стилевых возможностях высказывания и т. п.

Думается, опыт Карамзина в данном случае оказывался наиболее актуальным и в пушкинских произведениях. Избегая последовательного, законченного высказывания о той литературной традиции, в «диалог» с которой он вступает, следуя или, напротив, отвергая её узнаваемые художественные принципы, Пушкин делает их частью металитературного «дополнительного сюжета» своих текстов, в результате чего и знаковые писательские имена, и устойчивые сюжетные схемы, и жанровые модели, и целые художественные стили становились предметом творческой «игры», своеобразного «осмысления без осмысления» в живом динамичном дискурсе пушкинского повествования. Рокайльный источник этого явления, заложенный в художественной природе жанровой формы «светского» повествования (выдержанного не только в виде «светской повести» как таковой, но опосредованного различными типами построения повествования – эпистолярным, мемуарным, дневниковым и т. п.), в пушкинских прозаических текстах, в том числе незавершённых, также обеспечивал свободу динамично развивающейся концепции и потенциал её иронического переосмысления вплоть до «снятия», что, учитывая опыт «Евгения Онегина», также было одним из определяющих принципов эксплицирования металитературного дискурса для поэта.

Типология художественных форм «игры с литературой» в пушкинских прозаических замыслах

Сама возможность творческой «игры» с литературой для Пушкина определялась прежде всего тем, что его герои в большинстве своём предстают в первую очередь как

читатели. Этот факт нередко фиксировался исследователями, в первую очередь как отражение специфической культуры чтения сентиментально-предромантической эпохи, в которой литературная модель становилась основой жизнестроительства (с этой точки зрения многократно комментировался «читательский опыт» героев «Евгения Онегина», «Повестей Белкина» и др.). Однако у этой сферы изображения пушкинских героев можно выделить не только характерологическую (и культурологическую), но и собственно литературную основу. Герой, ставший «читателем», в определённой мере утрачивает свою «объектность», получает возможность выходить за пределы литературного дискурса, судить и оценивать его, в результате чего и сам дискурс до известной степени утрачивает свою безусловность, механизм построения текста выходит на поверхность, становясь объектом рефлексии для героя, казалось бы, всецело в него погружённого. Приём этот, по-видимому, актуален для переходных литературных эпох (примером чему могут быть не только тексты Карамзина и Пушкина, но и Сервантеса, и Л. Стерна, и Ф. М. Достоевского, и мн. др.), он может успешно реализовываться как в новаторской литературе, развивающей самобытное эстетическое «задание», так и в беллетристике, суть при этом будет оставаться неизменной. Герой-читатель, существуя «внутри» текста, многочисленные «подобия» которому он активно читает и по поводу которых в той или иной форме рефлексировал, раскрывается как олицетворённая возможность преодолеть безусловность заданной формы, встать над нею, выйти за предел – и тем самым трансформировать.

Линия героя-читателя получает несколько большее влияние в незавершённой прозе Пушкина, возможно потому, что именно игра с литературной традицией зачастую становилась центром написанного фрагмента, сюжетная и психологическая линии которого при этом оставались неразвитыми. В первую очередь это касается «Романа в письмах» и «Рославлева», в

которых именно читательские симпатии и антипатии героинь, по существу, являются единственной разработанной линией.

Так, в «Романе в письмах» благодаря этому выстраивается сложная система жанрово-стилевой рефлексии: героини собственно эпистолярного дискурса, Лиза и Саша, обсуждают эпистолярные романы С. Ричардсона (в первую очередь «Клариссу», с героиней которого отождествляет себя пушкинская Лиза). По отношению к нему высказываются и иронические оценки («я... не заметила перехода от шести скучных <частей> к шести занимательным...»¹; «прочитать Ричардсона не надеюсь...»²), и в то же время более глубокие суждения – как трансформируются с течением времени литературные идеалы мужчин и женщин³, как литературное произведение связано с эпохой, в которую оно создано⁴; какими путями идёт развитие литературного мастерства и слога⁵. Пушкинская героиня в своих истори-

ко-литературных суждениях в известной мере становится alter ego самого автора – и в оценках литературных произведений, и в особенностях суждений о литературной критике (в её письме очевиден намёк на критические выпады Н. И. Надеждина против пушкинского «Графа Нулина» и поэмы Е. А. Баратынского «Бал»⁶).

В целом, в «Романе в письмах» возникает множество знаковых литературных мотивов: это и имена писателей, маркирующих ту или иную литературную традицию (Ричардсон, Вальтер Скотт), и знаковые персонажи – как действительно существовавшие в привлекаемых для читателей романах (Кларисса, Ловлас, Адольф, Фоблас), так и условные (Белькур, Шарлотта – обобщённо представляющие в письме Лизы некую устаревшую литературную традицию). Появляются в романе и знаковые для русской литературы имена – Вяземский и Пушкин; объективация собственного авторского имени в повествовании усиливала значимость «литературного сюжета» и в перспективе позволяла вести более сложную и разнообразную игру с читателем, как на уровне сюжетном и психологическом, так и на уровне металитературном.

Ещё более сложной оказалась специфика представления героя-читателя в пушкинском «Рославлеве». Этот незавершённый роман был своеобразной «репликой» в полемическом диалоге Пушкина с романом М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» [1, с. 141–145; 5, с. 137–145; 12, с. 72–78]. Читательницами

¹ Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 478.

² Там же. С. 480.

³ «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внуков! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? Между тем роль женщин не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, всё же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах – они основаны на чувстве и природе, которые вечны». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 478.

⁴ «Как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом... и узнаём... наших дядюшек и бабушек, но помолодевшими...». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 481.

⁵ «Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки – и вышел бы прекрас-

ный, оригинальный роман». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 481.

⁶ «Смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все, мы – санкт-петербургские недотроги». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 481–482.

в пушкинском тексте оказываются и главная героиня Полина (увлечение чтением становится определяющим в её характеристике¹), и повествовательница. Сама мотивировка рассказа задана здесь тем, что девушка прочла роман Загоскина и вынуждена возражать ему, рассказывая то, что на самом деле произошло с дороги-ми ей людьми. Даже именуя их (Полина и Синекур), она подчёркивает, что сохраняет эти имена из романа, как уже известные читателю. Таким образом Пушкин выстраивает зачин романа как не просто полеми-ческого, а отчётливо игрового, метали-тературного текста, требующего от читателя, как минимум, знания романа Загоскина и способности оценить его специфическую национально-историческую позицию, а как максимум – иметь глубокие познания истории литературы XVIII – начала XIX столетия, как французской (которую с увлечением читает Полина), так и русской («представителями» которой в пушкин-ском «Рославлеве» выступают Ломоносов и Сумароков – оба автора олицетворяют крайние полюса в развитии тогдашней литературы, и обоих не читает образован-ная, пытливая девушка, по-настоящему увлечённая литературой). Здесь также представлены богатые ассоциативными возможностями знаки развития литера-турных традиций прошлого и настоящего (французская литература XVIII в., Руссо, *m-me de Staël*, «Коринна», Сумароков, Ломоносов, «История» Карамзина и др.), позволяющие Пушкину представить ос-новные направления в развитии словес-ности прошлого и нынешнего столетий, потенциально заложить в романный сю-жет возможности дополнительной «мета-литературной» линии, значение которой способно оказаться значительно глубже, нежели привычные для рационалистиче-ской сатиры (от Фонвизина до Грибоедова)

¹ «Полина чрезвычайно много читала и без всякого разбора. Ключ от библиотеки отца был у ней...». См.: Пушкин А. С. Рославлев // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной ли-тературы, 1960. С. 137.

выпады против круга чтения героинь, ув-лечённых французской культурой.

Образ героя-читателя в незавершённой прозе Пушкина помогает выделить раз-мышления о литературе и путях её раз-вития, служит построению своеобразно-го литературного «сюжета», в свободном, динамичном дискурсе представляющего авторский взгляд на литературное движе-ние переходной эпохи. Подробно харак-теризуя подобного персонажа, Пушкин как писатель получает возможность пред-ставить образ того «идеального» читателя (читательницы), который был необходим его сочинениям. Это уже не просто увле-чённая, сочувствующая натура, готовая строить собственную жизнь согласно мо-делям сентиментально-предромантиче-ских романов². Героиня-читательница в незавершённых произведениях Пушкина, если и попадает в сюжетную ситуацию «Клариссы» («я разливаю чай, как Кларисса Гарлов...»³), то способна понять и оценить её именно как «литературную», в извест-ной мере искусственную, и иронизировать над нею. Она способна видеть направ-ленность развития литературы, специ-фику её связи с иными сферами жизни общества. Так читательский уровень сбли-жается в осмыслении Пушкина не только с авторским, но в известной степени фило-логическим, аналитическим – при том, что высказанное мнение сохраняет свободу, живость, искренность и полностью чуждо педантизму.

² Такой тип читательницы появляется в «Романе в письмах», и по поводу неё протагонисткой вы-сказывается ироничная, хотя и сочувственная оценка: «Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочине-ний: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной ли-тературы, 1960. С. 481.

³ Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 477.

Герой незавершённой прозы Пушкина и проблема взаимосвязи литературы и истории

Признание связи литературы и истории, зависимости творчества писателя от эпохи, в которую он живёт, значения литературных произведений в осмыслении «духа времени» было одним из очень важных явлений в развитии литературного сознания конца XVIII – первой половины XIX в. и в итоге привело к оформлению культурно-исторической методологии осмысления литературного развития. Под влиянием идей И.-Г. Гердера эти принципы постепенно проникали в литературную рефлексию эпохи; тезисы о том, что необходимо учитывать специфику эпохи, чтобы понять природу литературы, ею порождённой, отчётливо звучат уже в историко-литературных опытах Н. М. Карамзина; в виде чётко осознаваемого методологического принципа они формулируются в «Опыте краткой истории русской литературы» Н. И. Греча. Собственные опыты Пушкина в области истории литературы (прежде всего статья для «Современника», посвящённая А. Н. Радищеву, как и сам замысел историко-литературных статей для журнала) также свидетельствовали о методологическом увлечении поэта именно культурно-историческими подходами к осмыслению литературного процесса.

Поэтому представляется естественным, что в металитературных фрагментах незавершённой прозы пушкинские герои также оказываются сторонниками и выразителями идеи о том, что литература и история связаны, что авторская мысль в книге неотделима от своей эпохи, а характеры и поступки героев могут быть поняты именно в контексте той исторической ситуации, в которой существуют. Об этом напрямую сказано в «Романе в письмах» (см. рассуждение Лизы о различии в идеалах бабушек и внуков, о «странности» чтения в 1829 г. книги, написанной в 1775); суждение это в имплицитном виде раскрывается и в самой завязке пушкинского «Рославлева», как раз на этом основании

призванного восстановить своеобразную «историческую справедливость» по отношению к главной героине и её «французским» симпатий в пору 1812 г.

Однако наиболее интересным представляется опыт литературно-исторической, культурно-исторической рефлексии героя в начале незавершённого романа «Арап Петра Великого». Пример этот оригинален и потому, что Ибрагим, в отличие от персонажей «Романа в письмах» и «Рославлева», предстаёт хотя и стоящим на уровне европейской образованности своего времени, но всё же не «читателем», а в первую очередь участником событий, персонажем действующим. История его пребывания в Париже времён Регентства очевидно вводила в пушкинский роман культурную атмосферу рококо, почему и открывающая первую главу зарисовка жизни Франции в тот период оказывалась наиболее насыщенной, плотной и афористичной характеристикой этой эпохи у Пушкина.

Генезис этой «рокайльной саморефлексии» (равно как и авторской рефлексии по поводу рококо) в пушкинском романе сложен. Прежде всего, эта зарисовка очевидно уподоблялась вводным историческим замечаниям в романах В. Скотта, определяющим возможность дальнейшего повествования относительно свободно от тормозящих действие «примечаний». Однако едва ли не более близким источником представляется краткая характеристика истории Франции в предреволюционные десятилетия, данная в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина¹. Как

¹ Ср. в «Письмах русского путешественника»: «Французы давно уже разучились веселиться в обществах, так как они во время Людовика XIV веселились, на пример в доме известной Марионы де-Лорм, Графини де-ла-Сюз, Ниноны Ланкло, где Вольтер сочинял первые стихи свои; где Вуатюр, Сент-Эвремон, Саразень, Граммон, Менаж, Пелиссон, Гено, блистали остроумием, сыпали Аттическую соль на общий разговор и были законодателями забав и вкуса. — «Жан Ла ... несчастною выдумкою Банка погубил и богатство и любезность Парижских жителей, превратив наших забавных Маркизов в торгашей и ростовщиков; где прежде раздроблялись все тонкости общественного ума, где все сокровища, все оттенки Французского языка

и в карамзинском описании, Пушкин представляет то, свидетелем чему стал Ибрагим во Франции, не столько на принципе последовательной, пусть и афористичной характеристики, сколько на перечислении различных «знаковых» деталей, насыщенных разнообразными культурно-историческими ассоциациями и в совокупности создающих общую картину эпохи, воспринимающуюся главным образом эмоционально. Таким образом, в начале первой главы личность Ибрагима раскрывается на фоне той исторической ситуации, в которой он оказался: «вольное легкомыслие, безумство и роскошь» французского двора, появление Law, благодаря которому деньги стали столь привлекательными для аристократии, и горестные перспективы государства – все эти узнаваемые приметы времени рококо Пушкин соединяет в нескольких причудливых перечнях-амплификациях. «Алчность к деньгам соединилась с жадностью наслаждений и рассеянности; именины исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей»¹. В одном ряду оказываются «образованность и потребность веселиться», «богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, всё, что подавало пищу любопытству или

обещало удовольствие», здесь же перечисляются и знаковые имена, окружённые разнообразными историко-культурными ассоциациями, в один ряд ставится «молодость Аруэта», «старость Шолье», «разговоры Монтескье и Фонтенеля»². В определённом смысле это описание впечатлений Ибрагима оказывается в одном ряду с известными пушкинскими «перечнями» романа в стихах «Евгений Онегин», обозначенными Л. В. Пумпянским как реализация принципа «исчерпывающего деления», восходившего к художественным принципам литературы XVIII в. Так, характеристика героя, представляющего определённую историческую эпоху, оказывается обобщённым отражением одной из узнаваемых особенностей стиля, характерного для риторической эпохи, вновь обращающая внимание читателя на необычные возможности динамичного, развивающегося повествования. В данном случае оно было уже не только средством преодолеть вторичность прозаической традиции рубежа XVIII–XIX вв., но создавало возможность встроить в художественное повествование элементы историко-литературного описания, которое таким образом становилось важной частью художественного новаторства Пушкина-прозаика.

Заключение

Историко-литературное мышление Пушкина в 1830-е гг. тяготело к принципам, в недалёком будущем оказавшимся в основе оформления культурно-исторической методологии изучения литературы. Для него и личность писателя, и литературное произведение, и фигура персонажа непознаваемы вне обращения к историко-культурной эпохе, их породившей. Собственно историко-литературная реализация этих идей началась в журнале Пушкина «Современник», однако художественные произведения, в том числе незавершённая проза, также содержала подобные отсылки. При этом в центре размышлений как персонажей-протагонистов, так и ав-

истошались в приятных шутках, в острых словах, там заговорили.... о цене банковских ассигнаций, и дома, в которых собиралось лучшее общество, сделались биржами. ... Потом вошли в моду попугаи и Экономисты, Академические интриги и Энциклопедисты, каланбуры и Магнетизм, Химия и Драматургия, Метафизика и Политика. Красавицы сделались Авторами, и нашли способ... усыплять самых своих любовников. ... Все философствовали, важничали, хитрили, и вводили в язык новые странные выражения, которых бы Расин и Деппе понять не могли или не захотели – и я не знаю, к чему бы мы наконец должны были прибегнуть от скуки, если бы вдруг не грянул над нами гром Революции». См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 225–226.

¹ Пушкин А. С. Арап Петра Великого // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксман. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 8–9.

² Там же.

тора оказывалась судьба романа рококо, внутреннее родство и не реализованные до конца художественные ресурсы которого и оказывались предметом рефлексии. И в незавершённых произведениях Пушкина («Арап Петра Великого», «Роман в письмах», «Рославлев») раскрываются необычные формы подобной историко-литературной рефлексии – путём воспроизведения и одновременного обсуждения наиболее узнаваемых, знаковых особенностей подобной литературной формы. Игра с читателем, требование от него высокой историко-литературной эрудиции, создание метатекстового дополнительного плана, сложного по структуре и усложняюще-

го как событийный, так и психологический сюжет, – особенности, свойственные роману рококо и унаследованные пушкинскими текстами, в которых раскрывались именно историко-литературные представления об этой литературной форме. Таким образом, реализуя свойственные роману рококо принципы «самоописания» литературности как особого феномена эпохи, Пушкин преодолевает их безусловность и в итоге приходит к воссозданию многообразной, внутренне противоречивой картины историко-литературного развития эпохи.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забабурова Н. В. «Рославлев» А. С. Пушкина: дискуссия о патриотизме и «французские» персонажи (к годовщине войны 1812 года) // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2 (70). С. 141–145.
2. Пахсарьян Н. Т. ИмPLICITный автор и имPLICITный читатель в романе рококо // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 3 (43). С. 68–82.
3. Пахсарьян Н. Т. Фрагмент в литературе рококо // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2022. № 3. С. 66–77.
4. Пахсарьян Н. Т. Экспериментальный роман в эпоху «рефлексивного традиционализма»: «Карета, увязшая в грязи» П. К. де Мариво // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 3. С. 64–75.
5. Полтавец Е. Ю. Мифология Москвы в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 3. С. 137–145.
6. Радбильт Т. Б. Пушкин как модернист: элементы свободного косвенного дискурса в традиционном нарративе «Пиковой дамы» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 1. С. 161–171.
7. Сашина Е. В. Пушкин и Парни: к проблеме литературных взаимодействий // Пушкин и литературный процесс: материалы VII Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции, Псков, 17–19 ноября 2020 г. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 95–103.
8. Семенченко Ю. И. Категория события в прозе рококо (на материале романа Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура») // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 108–117.
9. Смирнова Н. Н. Изображаемое и рассказ в «Повестях Белкина». М.: Канон+, 2020. 192 с.
10. Стенник Ю. В. Концепция XVIII века в творческих исканиях Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы: в 19 т. Т. 11. Л.: Наука, 1983. С. 76–87.
11. Шмид В. Нарратология Пушкина // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: материалы и исследования / под ред. Д. М. Бетеа, А. Л. Осповата. М.: ОГИ, 2001. С. 300–317.
12. Шпилевая Г. А., Бахметьева И. А., Безрукова В. В. Концепция исторического романа А. С. Пушкина и М. Н. Загоскина: о поэтике классического и беллетристического произведения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 72–78.

REFERENCES

1. Zababurova N. V. ["Roslavlev" A.S. Pushkin: Discussion about Patriotism and the "French" Characters (by an Anniversary of War of 1812)]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 2012, no. 2 (70), pp. 141–145.
2. Pakhsarian N. T. [Implied author and Implied Reader in Rococo Novel]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost'*.

- Gumanitarnyj aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 2020, no. 3 (43), pp. 68–82.
3. Pakhsarian N. T. [Fragment in Rococo Literature]. In: *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie* [Social sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies], 2022, no. 3, pp. 66–77.
 4. Pakhsarian N. T. [Experimental Novel in the Age of the “Reflective Traditionalism”: “La Voiture Embourbée” by Marivaux]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 9: Philology], 2021, no. 3, pp. 64–75.
 5. Poltavets E. Yu. [The Mythology of Moscow in “War and Peace” by L. N. Tolstoy]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* [Vestnik of State University of Humanities and Technology], 2021, no. 3, pp. 137–145.
 6. Radbil T. B. [Pushkin as a Modernist: Elements of a Free Indirect Discourse in the Traditional Narrative of “The Queen of Spades”]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2022, no. 1, pp. 161–171.
 7. Sashina E. V. [Pushkin and the Guys: On the Problem of Literary Interactions]. In: *Pushkin i literaturnyj process: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy Svyato-Tihonovskoj konferencii, Pskov, 17–19 noyabrya 2020 g.* [Pushkin and the Literary Process: Materials of the VII International Scientific and Practical St. Tikhon Conference, Pskov, November 17–19, 2020]. Pskov, Pskov State University Publ., 2020, pp. 95–103.
 8. Semenchenko Yu. I. [The Category of an Event in Rococo Prose (on the Basis of Crébillon fils’s novel “Les égarements du cœur et de l’esprit ou Mémoires de Meilcour”).]. In: *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanij* [Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2023, vol. 8, no. 1, pp. 108–117.
 9. Smirnova N. N. *Izobrazhaemoe i rasskaz v “Povestiyah Belkina”* [Portrayed and told in Belkin’s Tales]. Moscow, Kanon+ Publ., 2020. 192 p.
 10. Stennik Yu. V. [The Concept of the 18th century in Pushkin’s Creative Quests]. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. 11* [Pushkin. Research and Materials. Vol. 11]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 76–87.
 11. Shmid V. [Narratology of Pushkin]. In: *Pushkinskaya konferenciya v Stenforde, 1999: materialy i issledovaniya* [Pushkin Conference at Stanford, 1999: Materials and Research]. Moscow, OGI Publ., 2001, pp. 300–317.
 12. Shpilevaya G. A., Bakhmetieva I. A., Bezrukova V. V. [The Conception of A. S. Pushkin’s and M. S. Zagoskin’s Historical Novel: On the Poetics of Classical and Belletristic Works]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 419, pp. 72–78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Alpatova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т. А. «Игра с читателем» как средство реализации историко-литературной концепции А. С. Пушкина (к проблеме «Пушкин и рококо») // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 42–51.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-42-51

FOR CITATION

Alpatova T. A. Game with the Reader as a Means of Implementing the Historical and Literary Concept of A. S. Pushkin (On the Problem “Pushkin and Rococo”). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 42–51.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-42-51